

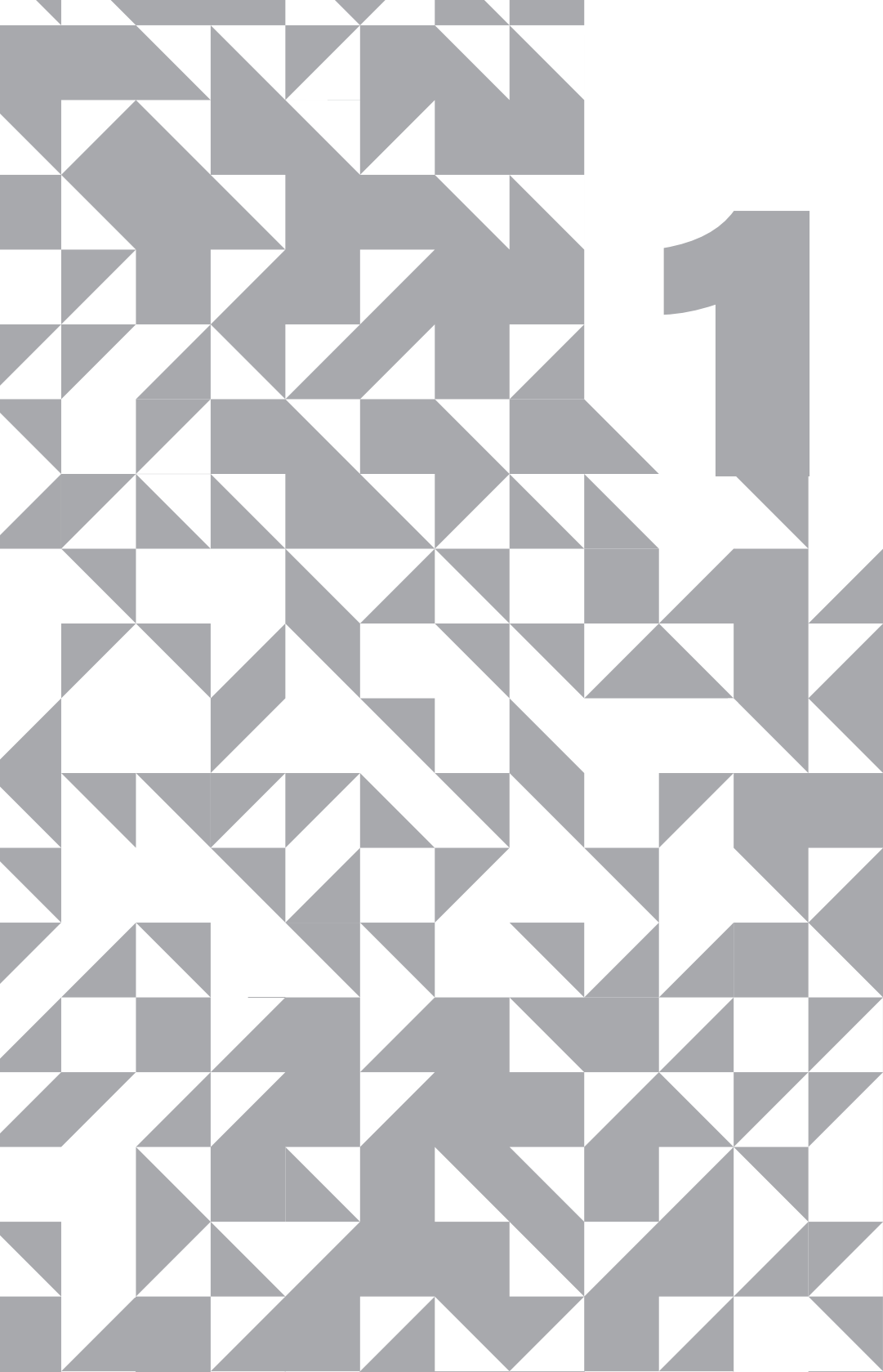
Предисловие

Прямую речь Егора Летова можно рассматривать бесконечно, словно отдельное произведение, не менее важное, чем его стихи, песни и коллажи*. Как показало время, интерес к личности Летова, к его словам, к тому, что он успел создать за свою жизнь, не только не угасает, а неуклонно растёт. Первая книга, «Сияние», охватывала период с 1986-го по весну 1997 года, теперь — продолжение, с мая 1997 года по декабрь 2004-го. Не перестающее удивлять, как и прежде. От «Солнцеворота» и «Невыносимой Легкости Бытия» через «Звездопад» к «Долгой Счастливой Жизни» и «Реанимации». Сквозь долгие годы ожидания и мучительного творческого безмолвия к новой вспышке и откровению.

Интервью и дружеские беседы, монологи, пресс-конференции и ответы на все ваши вопросы, концерты по всей стране, зарубежные гастроли и закрытые границы. Противоречия и цельность, великое множество и секретная калитка в пустоте. Отражение в зеркалах и взгляд на знакомые вещи через призму прошедшего. Новая встреча во сне и свидание на другом берегу. Гексаграмма «Бегство» и триграмма «Небо». Вечный калейдоскоп.

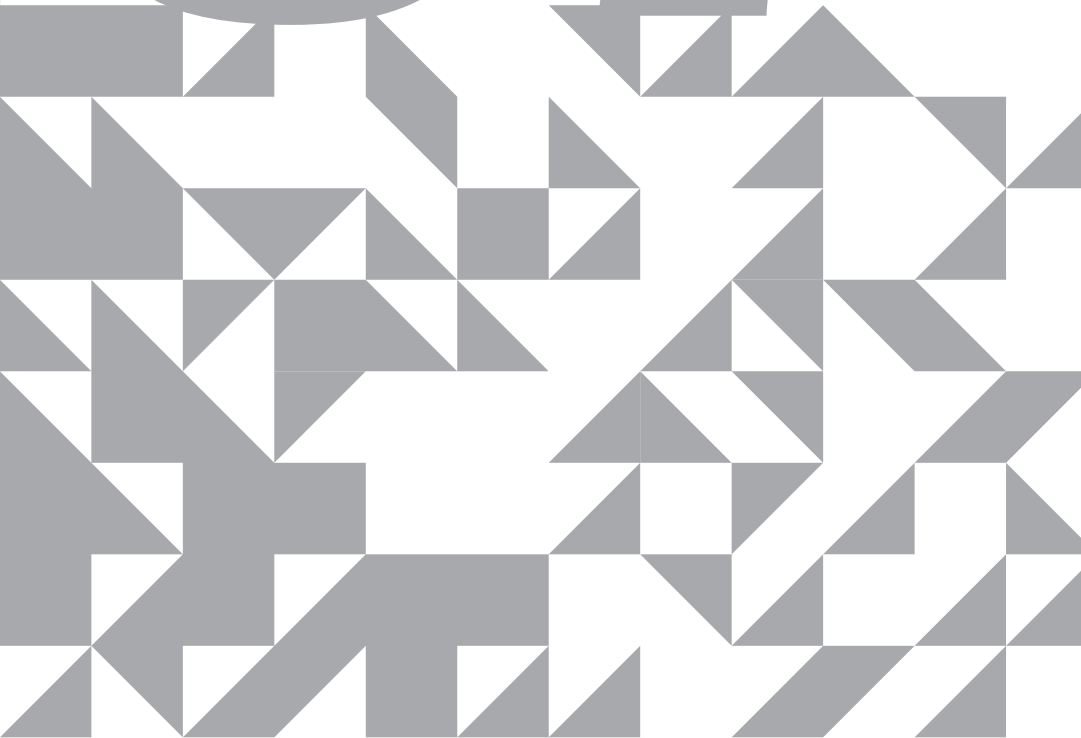
* Слова автора-составителя даны в тексте другим шрифтом.

9

9

7

Пресс-конференция Егора Летова

*спортивный комплекс «Крылья Советов»,
Москва, после акустического концерта
16 мая 1997 года*

— Вас интересует, сколько народу придет на ваши концерты?

— Нет, не очень. Во всяком случае, мы не заинтересованы в том, чтобы пришло как можно больше из-за цены билетов. У нас очень определенная публика, аудитория очень специфическая. Она не зависит от цены билетов, это какая-то определенная прослойка общества, очень странная. Ее очень тяжело охарактеризовать односложно. Это и молодежные люди вот эти, которые торчат за окном. Причем они тоже очень странные. Я говорил недавно в интервью — я года два назад жил где-то на Красногвардейской в Москве, сел в метро, поехал куда-то по делам. Тут же увидел — какая-то огромная толпа людей, страшно выглядящих, все в банданах, с ирокезами на голове, булавками все исколоты. «Вот чёрт! — думаю. — Сейчас они меня узнают, начнут дурацкие вопросы задавать». Окружили меня и совершенно неожиданно начали вопросы задавать про Бердяева, про Юкио Мисиму, про что-то там ещё. Причем такие вопросы, что просто ни в какие ворота не лезут. Люди, которым максимум 15 лет, наверное. Ну, я считаю, что это какая-то определенная ниша общества, поколения молодёжного, которая совершенно сознательно отказывается вписываться в систему. В любую причем, в демократическую...

— **Вы взрослый человек, и ваши песни взрослым людям...**

— Я не думаю, что мои песни — взрослого человека. Мои песни — это песни животного. Или песни ребёнка, которого довели до состояния, когда он автомат в руки взял. То, что мы делаем — это вообще анти-, анти-, не то, что взрослая культура, антицивилизация вот эта взрослая. Всё, что мы делаем вообще. А мы делаем, в принципе, очень много. Мы сейчас, например, собираемся кино снимать, мы пишем книги, то есть у нас очень широкий спектр деятельности. По большому счёту, то, что мы делаем — это из области, наверное, создания определенной новой идеологии, новой религии.

— **Но для того чтобы решить, относишься ли к цивилизации или к антицивилизации — для этого всё-таки нужно быть взрослым человеком.**

— Почему, нет. Это борьба между определенных культур. Я считаю, что мы отстаиваем Культуру с большой буквы. А то, что мы имеем сейчас, — это полное ее нивелирование и разложение, на всех уровнях просто. Про Запад я вообще не говорю, потому что на Западе это вообще всё закончилось очень давно, совершенно конкретно, там вообще культуры нет и быть не может. Всё, это мёртвая зона совершенно.

— **А почему вы считаете, что на Западе не могут быть явления, соответствующие вашему — «Гражданской Обороне»?**

— Потому что, если б они могли иметь место — они бы возникали. Их же нет.

— **Кто еще в современной культуре распространяет среди масс такие же идеи, как вы?**

— Мы не занимаемся распространением идей.

— **То есть, вы к идеологии вообще никакого отношения не имеете?**

— Нет, мы можем, конечно, идеологически всё это объяснить, подкованно, и так далее. Но это не главное. Мы

распространяем больше на уровне эмоциональном, наверное. Потому что всё, что происходит на уровне идей, — оно не работает. Вот революция 1917 года произошла не потому, что люди Маркса читали, не потому, что «Капитал» был важным. «Капитал» никто не читал, никому он на хрен не нужен был никогда. А была определенная эмоция, потому что тот строй, который был тогда, с этим кургузым православием, — он до такой степени достал, грубо выражаясь, всех. То есть это была совершенно гнилая идея. И понятно, что возникла новая религия — коммунизм. Когда вместо «раб божий» появился солдат Земли, труженик, ответственный за поступки, за свои действия. То есть эта революция — она была... Ее до сих пор очень неправильно понимают и подают. Причем как коммунисты — столь же придурковато, догматически, так и демократы. На самом деле революция была... Для того чтобы понять, что это было на самом деле, надо читать Бабеля и Платонова.

— Вы, наверное, часто общаетесь с журналистами. Как часто журналисты задают вам вопросы о музыке?

— Я не могу сказать, что я часто общаюсь с журналистами. После концертов общаюсь. Иногда задают, а иногда — нет. О музыке если задают вопросы, то очень дурацкие. Потому что то, что происходит в стране, отражается в музыке... Ситуация какая-то дремучая совершенно. Слушают чёрт знает что. Ну то есть вот открой какой-нибудь там «Московский бит» или что-нибудь еще — стыдно же просто! Слушают какое-то дерьмо просто, какие-то эти независимые, кому они нужны? Они потому и независимые, что никому не нужны. То есть, группа, которая чего-то стоит, — это «The Beatles», это «The Who», это «Dead Kennedys» — она становится знаменита на весь мир. Это люди, которые берут власть в свои руки — духовную, творческую, и так далее. А вот эти независимые — это как тараканы какие-то там ползают. И при этом это воспевается, как нечто очень хорошее.

— **Ваша музыка — это полная гармония? Или это дисгармония с окружающим миром?**

— Это вообще не музыка. Я объясняю — то, что мы делаем, это к музыке вообще отношения никакого не имеет. Если имеет, то очень косвенное. По сей причине мы играем обычно очень коряво, достаточно плохо, мы на концерте слова забываем. То есть, то, что делается, на самом деле — это из области энергии, эмоции, какого-то общения с залом. Давно, в 1988 году, по-моему, я говорил в «Контркультуре», то, что мы делаем — это похоже на шаманизм, из этой области. После этот термин стал очень сильно опошлен, потому что началась какая-то шаманизация населения огромная. Нас стали записывать в определенные магические дела. Но, в принципе, да, это из области магии, наверное, чего-то еще такого.

— **У вас давно уже не видно никаких пацифистских символов, которые были в 1980-х годах.**

— А у меня никогда их особо-то и не было, я никогда пацифистом не был.

— **То есть, пацифизм как мировоззрение в современном понимании вам чужд?**

— Абсолютно. Разумеется, да. И никогда мне это близко не было, и никогда пацифистом я не был вообще, и никогда не буду.

— **А панк-рок — это единственная форма передачи вашей энергии публике, которая воспринимает ваше творчество?**

— Я же поэт, собственно говоря. То есть, я пишу стихи, я делаю много всяких вещей всевозможных, разных. В частности, я политикой собираюсь заняться конкретно.

— **Если не секрет, какие политики нынешние вам близки?**

— Лукашенко.

— **А дома вы часто концерты даёте? Чаше, чем в Москве?**

— Дома — в Омске? Вообще никогда.

— Почему?

— Потому что я там живу. Я вот не хочу, чтобы у меня вот такое было каждый день (*прим.:** показывает на толпу поклонников за окном). Я стараюсь максимально, я выпускаю миф, что я в Омске не живу, что живу где-то там в Москве или где-то за городом.

— Не нравится?

— Что не нравится, вот это? (*Прим.:* показывает на окно).

— Ну да.

— А как оно может нравиться? Я там работаю.

— Студийная работа?

— И студийная, и вообще. То есть, это место, где я могу максимально расслабиться, сосредоточиться и сочинять, писать, что-нибудь делать, вот и всё.

— **Очень хорошо и очень давно знаю вашего брата. Зная его со времён «ДК», я имею все основания предполагать, что «ДК» повлияла как-то на то, что вы стали тем, чем вы стали.**

— «ДК» хорошая группа. Не знаю, «ДК» я услышал очень поздно, совершенно неожиданно, году в 1988-м. Причем совершенно случайно. Потому что я советский рок вообще не слушал, там слушать, собственно говоря, нечего, позорное дело. Нечаянно совершенно попал... Тем более московский рок — он себя всегда зарекомендовывал как вообще что-то ужасное такое. То есть, какие-то сукачёвы, ну что-то совсем...

— **Так он же и есть ужасный, конечно.**

— Ну вообще. Просто курьёз. Если, допустим, ленинградский рок — его еще можно роком назвать, потому что это такие очень плохие перепевки... Не то что плохие, но с очень грамотных оригиналов. От Дилана и кончая «String Driven Thing», которых Гребенщиков дерёт, «Fairport Convention» — то есть, группы, которые сейчас скажи — ни-

---

* Примечания автора-составителя.

кто не вспомнит, что это такое. Потому что там была определенная подпольная культура, они слушали пластинки и сдирали их, текста и так далее, потому что по-английски умели хорошо лопотать. Так как я английский тоже хорошо понимаю, я когда услышал, у меня сразу, честно говоря, дрожь по спине пошла. Думаю — это как же такое возможно, что там прямые просто «съёмки». А в Москве старались делать своё, в отличие от Ленинграда, но оно, из того, что было своё... Я не знаю, «Звуки Му» можно назвать своим или нет, потому что... Я вот ни разу «Captain Beefheart» на сцене не видел, как он себя ведёт, но говорят, что это один к одному, что Мамонов снимает. А Мамонов мне лично говорил, что это у него любимая видеокассета, например, которую он ставит и смотрит.

Возвращаясь к «ДК». Когда я их услышал первый раз — ну как оно могло повлиять, когда мы начали с 1983 года играть? А собственно говоря, весь цикл песен, большинство даже, что были сегодня на концерте — они написаны в 1986-1987 году. А мы услышали «ДК» впервые в 1988 году, где-то в начале. Нам страшно понравилось! Понравилось до такой степени, что вообще. Нам нечаянно попали два альбома — «Десятый молодёжный» и «Киселёв». Мы с Кузьмой просто... Я ушам не поверил, думаю: «Вот это да! Наконец-то группа возникла, которая ни на что не похожа, играет типа нас».

— Не обидно ли вам, что вы существуете в некоем информационном вакууме? Если журналисты и пишут о вас, даже публикуют какие-то интервью, то это непременно сопровождается какой-то рецензией — как правило, неодобрительной. И о музыке, которую делает Егор Летов, о музыке «Гражданской Обороны», никто никогда ничего не пишет.

— Ой, ну слава тебе, господи. А чего о ней писать, собственно говоря? О музыке никогда писать не надо, музыку слушать надо.

Что за вакуум? Какой вакуум? Никакого вакуума нет. Мы вообще живём ужасно полнокровной жизнью! Относительно того, что пишут про нас, не пишут — беда в том, что у нас очень мало в стране изданий, печатных или каких-то ещё, которые можно принимать всерьёз. Это очень, причём, мягко выражаясь, я бы жёстче сказал, но тут женщины. Причём, как оппозиционные, так и наши. Люди, которые там обычно работают, к сожалению, есть хорошие, есть не очень хорошие. Кто их читает? Никто. Никто ничего не читает. Поймите, что никто ничего не читает, никто ничего не смотрит. То есть, нельзя, допустим, по телевизору говорить, что, Кира Муратова — говно, и все будут думать, что это говно. Нет. Или что вот этот, так сказать, плохой. Нет. То есть, средства массовой информации очень сильно преувеличивают свою роль. Причем до такой степени в последнее время, особенно в нашей стране, что им очень грозят большие неприятности, я думаю, в ближайшее время. Потому что народ просто от них отказывается. Никто ничего не выписывает, никто не читает, телевизор никто не смотрит. Вот, собственно говоря, чего добились. Как говорить о том, какие средства массовой информации? Мы стараемся печататься в таких газетах, как «Завтра», «Советская Россия».

— **О вашей музыке нигде никто ничего не пишет.**

— Почему всё же разговор о музыке? Мы не занимаемся музыкой.

— **Вы играли коряво, то есть не стремились сделать что-то сугубо профессиональное? Или вообще не могли?**

— Ну не то, что коряво, мы могли и хорошо сыграть. Да нет, конечно, могли, мы хорошие музыканты. Мы двенадцать лет играем, четырнадцать. Когда я с Кузьмой познакомился — он вообще был профессиональный музыкант к тому времени. Это был определенный подход. То есть, на каждый этап, период времени, существует...